

Ирина Митрофанская

**ОБРАЗ СВИДРИГАЙЛОВА В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «Ф. М.» БОРИСА АКУНИНА**

В последние годы приобретают все большую популярность произведения, построенные в виде диалога с текстами классиков: литературные мистификации, пародии, ремейки, продолжения, повести и романы о судьбе вымышленных или же реально существовавших писателей, о процессе написания вымышленных или же хорошо известных читателям произведений. Прием использования персонажей

и сюжетов известных произведений характерен и для творчества современного российского писателя, автора множества бестселлеров Григория Шалвовича Чхартишвили (Бориса Акунина).

Его романы вызывают самые разные оценки у критиков, от полного восторга до полного неприятия. С одной стороны, об Акунине говорят как о талантливом литераторе, гении детективного жанра, создателе новой литературной традиции, мастере интригующего сюжета с прекрасным знанием деталей и подробными описаниями исторической эпохи - России второй половины XIX - начала XX вв. (Л. А. Данилкин, С. Б. Дубин, Л. Лурье, Н. Л. Потанина, В. В. Огрызко, А. М. Ранчин, Г. М. Циплаков, Д. В. Шаманский). Авторы негативных рецензий (М. В. Золотоносов, В. И. Новиков, Р. Э. Арбигман, А. С. Немзер, Е. Щеглова и др.) видят в детективах Б. Акунина типичное явление массовой культуры и пишут об их «одноразовости», упрекая в дурном вкусе и отсутствии идеологии. Лев Аннинский отнес его романы к «программе активного интеллектуального отдыха». Нам кажется, что, стилизуя свои романы в духе писателей-классиков, Борис Акунин пробуждает интерес к серьезному чтению, помогая читателю преодолевать «пороги культуры», предлагая новый путь осмысления известных образов и ситуаций. При этом он, даже если и допускает провокацию, ни в коем случае не умаляет глубины философского, идейного, нравственного и эстетического смысла классической литературы. «Мне, например, - признается Алла Латынина, - было занятно, обнаружив очевидные параллели, размышлять над не столь очевидными» [5, с. 152].

«Ероем» «Ф. М.», вышедшего в 2006 г. в серии «Приключения магистра», является одна из «рукописей» Ф. М. Достоевского, неизвестная историкам литературы и, якобы, случайно обнаруженная. Итак, «Ф. М.» Акунина - это роман в романе, где детективные приключения нашего современника Николаса Фандорина чередуются с фрагментами «Теорийки» - одной из черновых редакций «Преступления и наказания». В основе подобного допущения - реальный факт истории работы Ф. М. Достоевского над романом. Известно, что в середине 1865 г. писатель сообщил издателю А. Краевскому о замысле нового романа под названием «Пьяненькие». Здесь можно увидеть сходство в стилистике названий, где уменьшительные суффиксы придают оттенок жалостливости («Пьяненькие») или же - пренебрежения к ничтожности («Теорийка»), Достоевский планировал вывести историю молодого человека, попытавшегося самостоятельно, вне связей с «почвой», сформировать индивидуальную этику, выработать собственную линию жизни. Фоном этой истории стало бы описание жизни семьи Мармеладовых и их окружения. Они должны были стать убедительным объяснением дел и помыслов главного героя - преступника. Пьянство, бессознательное проживание жизни, нелепая смерть - в этом мире вырастает философия вседозволенности «сильной личности». Но тема «Пьяненьких» для такого масштаба идей оказалась слишком узкой, лишенной философской остроты. «Теорийка. Петербургская повесть» - это набросок, поэтому, как и «Пьяненькие», он не отличается глубиной идей.

Повторяются описания предметов одежды, встречающиеся в «Преступлении и наказании». Иногда вставлены фрагменты из «Преступления и наказания». Например, полностью перенесены портреты Раскольникова, Дуни, Порфирия

Петровича, основные характерные детали внешности Разумихина, Свидригайлова, Лужина, Лебезятникова. В текст «Теорийки» включено с небольшими сокращениями письмо матери Раскольников, так измучившее героя «Преступления и наказания». Повторены некоторые ключевые сцены, например, обморок Раскольникова. Кроме того, как показал М. Золотоносов, «точно переписаны письма Достоевского барону Врангелю и И. С. Тургеневу, напечатанные в томе 28, письмо адвокату В. И. Губину из тома 29» [4]. Одновременно Акунин не ограничивается подлинными текстами переписки классика, дополняя ее мистификацией. Он вводит выдуманное письмо Стелловского Достоевскому с точными указаниями, как надо написать роман, обращает его внимание на судебный процесс Герасима Чистова, убившего двух старух. Контракт между Стелловским и Достоевским - тоже мистификация на основе фрагментов писем и документов Достоевского. Это стилизация под роман Достоевского, причем стилизация именно его детективной, не идеологической линии.

И все же принципиальный характер имеет не указанная мистификация. Самым важным, на наш взгляд, является то, что главный герой «Теорийки» - не Раскольников, а сыщик Порфирий Петрович. Еще более неожиданным в «обнаруженной» редакции «Преступления и наказания» является то, что убийства совершает не Раскольников, а Свидригайлов. Различно и число преступлений. За первой жертвой вместо ожидаемой читателем, знакомым с романом Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», психологической борьбы следователя с подозреваемым, происходившей в каждую из трех их встреч, в «Теорийке» следуют новые убийства. Создается впечатление, что верный собственной теории преступник продолжает убивать. При этом не так важно, что орудие убийства - не топор, а трость с набалдашником в виде сфинкса. Важен характер идеи убийцы.

В романе Ф. М. Достоевского герой, живущий в обстановке индивидуализма и вступающий с человечеством в конфликт из-за того, что оно, якобы, ни к какому устройству, кроме индивидуалистического, не способно, выстраивает свое представление о месте человека в мире, исходя из этого самого индивидуалистического закона. В разговоре с Соней Раскольников так определяет вечный закон людей: «... кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!». И, поскольку так «доселе велось, и так всегда будет», иначе, чем на индивидуализме, отношения с людьми и не построить. Ему лишь нужно было узнать, к какой категории людей он относится, а, следовательно, может он принимать решения или же обязан вечно подчиняться чужим волям («смогу ли я переступить или не смогу»). Каким стал бы его дальнейший путь, в чем было его назначение, Раскольников до сих пор не задумывался. Он признается Соне: «...стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и из всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!...». Однако и из этого его высказывания ясно, что «высасывание» из людей «живых соков», как и озлобленность на людей, не были для него естественными, поскольку подобное поведение он сравнивает с поведением паука.

«Теорийка» Свидригайлова совсем иного рода. Во-первых, ее автор четко знает, что не относится к категории людей достойных. «Ведь я, милостивый государь, кто? Животное, и притом злое животное. Это благородный лев сражает жертву одним ударом, наповал, и единственно лишь ради утоления голода. Я же всегда был подобен коту, которому над мышкой еще поизмываться надо» [3, с. 230]. Но, что еще более важно, он искажает теорию Раскольникова. Тот признавал, что ученые как необыкновенные (Ньютон, Кеплер), возможно, никогда и не совершали преступлений, а «законодатели» и «установители» человечества (Наполеон, Магомет, Ликург...) - вторая категория необыкновенных - совершают преступления в силу того, что находятся те, кто готов своею жизнью защищать старый закон и порядок. Таким образом, главная цель их преступлений - преодоление препятствий к утверждению их «нового слова», а вовсе не преступление ради преступления. Что же касается понимания Свидригайловым этой теории в романе Бориса Акунина, то это, по существу, разрешение убийства. «У него, - говорит тот о Раскольникове, - как раз теорийка одна имеется, прелюбопытная. Насчет человечества. Мол, всяких обыкновенных, никчемных людишек убивать вполне дозволительно, если, конечно, для пользы дела и если сам убийца - человек необыкновенный» [3, с. 229].

Традиционно образ Свидригайлова в «Преступлении и наказании» представляют как одного из двойников Раскольникова (в силу индивидуалистической установки «все позволено ради...»). У Бориса Акунина это не совсем так. В «Теорийке» он отводит Свидригайлову роль убийцы со своей теорией, а в современных главах «Ф.М.» его функции берет на себя Олег Сивуха, но ни один из них не напоминает Раскольникова.

Повествователь в «Преступлении и наказании» сообщает, что в красивом лице Свидригайлова было что-то «ужасно неприятное», что этот молодежавый развратный барин осознанно играл роль «пошляка», исходя из посылки: «...а отчего же не побывать пошляком, когда это платье в нашем климате так удобно носить и ... и особенно, если к тому и натурально склонность имеешь» [1, с. 304].

Как и в портретах других персонажей, у Достоевского большую роль в характеристике героя играет описание его глаз. Говоря о Свидригайлове, писатель подчеркивает деталь: «его глаза смотрели холодно, пристально и вдумчиво». За маской пошляка и циника скрывается думающий, ищущий человек, но для Свидригайлова нет ничего святого, ему все позволено, а вместо страшного суда он представляет вечность в виде «закоптелой бани с пауками».

Истоки теории Раскольникова - в отрицании существующего несправедливо устроенного мира, полного страданий, но и обосновывая право на убийство, главный герой сохраняет веру в идеал, ему близки христианские идеи. Вероятно, надеясь на возможность собственного воскресения, он просит Соню в одну из их встреч читать ему о воскрешении Лазаря. Свидригайлов же носит в себе трагическое и циническое отчаяние, его восприятие мира безысходное, бесперспективное и лишенное всяких надежд и веры.

Отношения между Раскольниковым и Свидригайловым противоречивы. Они присматриваются друг к другу, и Свидригайлов, чувствуя, что Раскольников - личность неординарная, стремится исследовать его как «любопытный субъект для

наблюдения». Раскольникову тоже нелегко разгадать Свидригайлова: «Признаюсь, - говорит он сестре, - ничего хорошего не понимаю. Предлагает десять тысяч, а сам говорил, что не богат. Объявляет, что хочет куда-то ехать, и через десять минут забывает, что об этом говорил... Вообще он странным мне показался и... даже с признаками помешательства. Но я мог и ошибиться...» [1, с. 329].

Раскольников старается понять Свидригайлова, и чем больше размышляет об этой личности, тем яснее ему становится, что они все-таки не «одного поля ягоды». Непреодолимая грань между ними в том, что Раскольников не может оправдать нравственной опустошенности Свидригайлова. «В Свидригайлове, - сообщает повествователь о Раскольникове, - он убедился как в самом пустейшем и ничтожнейшем злодее мира» [1, с. 499].

Раскольников хочет жить, он верит в искупление и возможность переустройства жизни. Свидригайлов же издевательски циничен, насквозь пронизан иронией безнадежности. Он признает свое бессилие перед миром и перед собственными страстями, у него нет выхода и нет идеи. Так Достоевский показывает, что все-таки Свидригайлов - это не двойник Раскольникова, а отражение его идеи. Именно благодаря его образу, циничному и безыдейному, раскрывается суть идеи Раскольникова. В. Шкловский писал: «Свидригайлов, став тенью Раскольникова, снизил бунтаря. Свидригайлов - это освобождение от запретов нравственности, данное злодею, не знающему ничего, кроме своих желаний, и приходящему к смерти» [6, с. 490].

В «Теориях» Акунина Свидригайлов также выступает в роли двойника Раскольникова, причем, не только идеологического: подозрения в совершенных им убийствах на протяжении всей повести падают на студента.

Как и Достоевский, Акунин описывает героя щеголевато одетого мужчину «лет пятидесяти, росту повыше среднего», отмечает его светлые вьющиеся волосы и густую бороду. В целом, портрет указывает, что перед нами человек, полный жизни: голубые глаза и алые губы. В отличие от измученного сырым пасмурным Петербургом Раскольникова, Свидригайлов имеет «цвет лица свежий, непетербургский». Акунин несколько утрирует и упрощает портрет, но в описании взгляда персонажа дословно цитирует Достоевского: «смотрели холодно-пристально и вдумчиво» [3, с. 13-14].

Акунин дает этому персонажу стройную теорию, это уже не просто пошляк и циник, развратный барин, но именно идейный преступник. Этот идейный серийный убийца, сам себя «выводящий в нуль», за каждую свою невинную жертву уничтожая существо, по его мнению, «вредоносное», - вполне логичная и закономерная вариация на тему Раскольникова: если ради абстрактной благой цели убивать дозволено, то уж убийство во искупление реально причиненного зла вроде бы должно восприниматься как положительное дело. Рассудочный подход в проблеме нравственности и морали выражается в «арифметике», придуманная Свидригайловым формула по существу является упрощенной версией сложной теоретической конструкции Раскольникова.

Играя с романом Достоевского и с читателем, Акунин евангельскую идею «воскресения через смерть», воплощенную в образе Раскольникова, примеряет на убийцу-Свидригайлова. Если убийство для Раскольникова - эксперимент на свою принадлежность к сильным или общей массе, то для акунинского Свидригайлова преступление становится способом покаяния.

Как и главный герой «Преступления и наказания», он совершает убийство из идейных соображений: «Да. Теория моя, видите ли, состоит в том, что я себя, злобное животное, перед отъездом в Новый Свет, должен в нуль вывести. Чтоб в вояж отправиться чистым, как младенец. Так сказать, новорожденным человеком» [3, с. 191]. Загубив три «живые души», он рассчитывает искупить свой грех, избавив мир от трех нечестивцев «с душою мертвой, гниющей», которые «заражают своими гнилыми миазмами атмосферу, губят и вытравливают вокруг себя всё и вся» [3, с. 194]. Свое последнее преступление, убийство Лужина, Свидригайлов воспринимает как «кредит» и «будущую индульгенцию», но положительный баланс, из-за случайно попавшегося под руку Заметова, опять сводится к нулю.

Акунин подчеркивает бездушие своего героя, его ослепленность воображаемой силой рассудка. О невинной жертве - молодом письмоводителе - помещик-теоретик не сожалеет, а воспринимает его смерть как новую величину в формуле: «... жалко мальчишка, помощник ваш, припутался. Ничего, это квит на квит пойдет. Таким образом, на сей момент я полностью чист и выведен в нуль целых, нуль десятых... Сколько напакостил, столько за собою и прибрал» [3, с. 197].

На примере судьбы Свидригайлова, Акунин, как и Достоевский, показывает, что какими бы замысловатыми и убедительными причинами ни обосновывалось право на кровь, все они низводятся к элементарному уголовному преступлению. Поэтому, как справедливо замечает акунинский Порфирий Петрович, «про цель и средства старо не бывает-с» [2, с. 65].

Но все-таки образ Свидригайлова, как и всех остальных героев романа «Преступление и наказание», в «Ф.М.» Акунин сильно упростил. Он объясняет действия обоих злодеев - и Свидригайлова, и Олега, его двойника в современной линии романа - мотивом помешательства, изображает их маньяками, потерявшим чувство реальности. Эта схематичность упрощает задачу и позволяет снять все несостыковки. В «Теорийке» сюжет строится по принципу «квеста» - серии последовательных загадок, которые герои вроде бы разгадывают. У Достоевского сюжет обоснован идеей и движется ею. У Акунина правит игра случая, непредсказуемое стечение обстоятельств и случайностей, часто нелепых и смешных, что свойственно ироническому детективу.

Неслучайно в конце своего расследования герои «Теорийки» приходят к сфинксу: круг замкнулся; роман начинается с тайны и заканчивается указанием на тайну. Как такового конца романа нет, его последние строки - авторская запись, указывающая на то, что он недоволен наброском романа: «Мочи нет! Всё чушь! Надо не так, не про то! И начать по-другому!». И последние строки романа «Ф.М.» - это первые строки «Преступления и наказания»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки...» [3, с. 200].

В результате философский подтекст романа «Ф. М.» - очень приблизительный. Читатель получает только отзвуки идей Достоевского. При внешнем сходстве фабулы и персонажей автор не вникает в психологический процесс преступления, отбрасывает основную мысль Достоевского о христианском смирении и воскресении через смерть. Акунинские герои более приземленные, для них важнее не христианские идеи, а здравый расчет, научное обоснование гармонии. В основе детективного сюжета у Акунина лежит не психология и философия, а занимательность, приключения.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. - М.: Художественная литература, 1970. - 558 с.
2. Акунин Б. Ф. М. / Борис Акунии. - М.: Олма Медиа Групп, 2012. - Т. 1, - 288 с.
3. Акунии Б. Ф. М. / Борис Акунии. - М.: Олма Медиа Групп, 2012. - Т. 2. - 256 с.
4. Золотоносов М. Игра в классики. Римейк как феномен новейшей литературы / Михаил Золотоносов // Московские новости. - 2002. - № 33. - 27 августа.
5. Латынина А. «Когда Достоевский был раненный и убитый ножом на мосту» / Алла Латынина // Новый мир. - 2006. - № 10. - С. 146-153.
6. Шкловский В. Б. «Преступление и наказание» / В. Б. Шкловский // Шкловский В. Б. Избранное : В 2 т. - М.: Художественная литература, 1983. - Т. 1: Повести о прозе. Размышления и разборы. - С. 442-490.